

КАМЕРТОН АФРОДИТЫ

Вита Миркин

Камертон Афродиты. Том 1

<https://litres.ru/74244532>

SelfPub; 2026

Аннотация

Легко ли быть уникальным активом империи «Атлас», если твоё живое свечение запечатывают матовой пудрой, а первозданную силу превращают в сухие графики акций?

Рождённая из морской пены, Афродита получает имя, титановый смартфон с жёсткой информационной гигиеной Геры и безупречный фасад для публики. Нью-йоркские вспышки софитов, балы Chanel, роскошь Met Gala — всё это лишь шёлковая перчатка на железной руке Клана. Но разве можно обижаться на строгость берегов, когда ты сама внутри — безбрежный океан?

Эта сага о великой трансформации соткана на стыке мифа и реальности. Но чтобы обрести истинную силу, первозданной Диве придётся пройти через тотальную огранку человеческого бытия: от сжигающей страсти Ареса и ментальных шифров Гермеса до лабиринтов глубинного разума в обители Персефоны. Из горнила интриг Клана, сквозь Вечный Очаг Гефеста, проступит истинная сила Афродиты — та, что изменит саму ткань мироздания и запустит процесс великого преображения.

Содержание

Пролог. Эффект «Глитча» / Аномалия Лимассола	4
Часть 1. Этикет теней. Глава 1. Невидимые границы	7
Глава 1. Невидимые границы	7

Вита Миркин

Камертон Афродиты. Том 1

Пролог. Эффект «Глитча» / Аномалия Лимассола

*«Красота — это единственная форма
духовного, которую мы можем воспринять через
чувства».*

— Томас Манн

Три знамения предрекли её земное воплощение. Белая дымка над заливом расступилась беззвучно, открыв горизонт. Эфирная фата-моргана — парящий в мареве призрак скалы, на мгновение обрел жесткие контуры священной горы. Вслед за тем, отступая, волна обнажила нежно-коралловую глубину с мерцающим бирюзовым отливом — словно раскрытое лоно раковины.

Она появилась из пены, и волны вынесли её на берег. На многолюдном пляже Лимассола утреннее солнце коснулось Дивы, мягко очертив её силуэт. В её наготу не было человеческой уязвимости: мокрые пряди волос легли на плечи тонким покрывалом, а перламутровое свечение кожи окружило

её чистым гало.

Люди замерли. В нахлынувшей тишине остался только мерный шум прибора. Этому вечному ритму аккомпанировало безмолвное оцепенение толпы — чистое принятие ожившего мифа.

Но чудо было мимолётным. Её первый вдох был болезненным: вместо морской свежести в лёгкие ворвался едкий запах солнцезащитного крема и пережаренного фастфуда. Дива отшатнулась, когда прибор швырнул ей под ноги пустую жестяную банку. Наваждение спало. Окружавшие её люди мгновенно отвернулись от реальности — они закрыли лица цветными слитками, превращая живое явление в плоское изображение на ладони. Пляж наполнился стрёкотом и гулом сотен голосов. Цивилизация обволакивала её, вязкая и враждебная.

И в тот же миг, словно пытаюсь омыть этот душный мир, с безупречно чистого неба обрушились крупные капли слепого дождя.

В тени уличного кафе Гермес вальяжно листал планшет. Он первым поймал глитч: по ткани мирового эфира прошла цифровая рябь, ломая алгоритмы выдачи. Экран забило пиксельным шумом, сквозь который пробивались первые кадры с пляжа. Но даже дешёвая оптика случайного смартфона не могла скрыть её непостижимое присутствие.

Тотчас, повинаясь инстинкту вестника, Гермес развернул в сети агрегатор-фантом под хештегом #ДевушкаИзПены.

Перехватывая каждый хаотичный снимок, он встраивал его в единый информационный поток, который за считанные минуты подчинил себе внимание планеты.

Этот всплеск достиг мониторов семьи Архон, чья империя «Атлас» держала на своих плечах свод цифрового мира и его капиталов. Этот союз держался не на узах кровного родства — это был Клан обладателей изначальной силы, способной перекраивать саму реальность. Из тишины закрытых кабинетов они контролировали ключевые узлы цивилизации.

Пока люди, затаив дыхание, встречали явление Красоты, Зевс и Гера просчитывали риски.

На экране главного терминала, прямо поверх трансляции с пляжа Лимасола, побежали строки нейросетевого анализа: кривые потенциального трафика, индексы социального контроля и графики прогнозируемой прибыли. Зевс, не отрывая взгляда от бегущих кодов, нажал клавишу селектора:

— Забирай и упакуй этот хаос, пока она не обрушила нам индексы.

Часть 1. Этикет теней.

Глава 1. Невидимые грани

Глава 1. Невидимые грани

«...Человек рождается "белковым телом" с набором рефлексов. Но личностью его делает только культура, язык, труд и общество».

— *Гермес (Из лекций Гермеса о природе антропосоциогенеза: синтез концепций Ф. Энгельса и Э. Ильенкова).*

Афродита / Анатомия имени

Оглушённая стрёкотом камер, ослеплённая фотовспышками, Дива сгорала в этом яростном кошмаре. Толпа фанатов казалась ей стаей хищников, готовых растащить её образ ради мимолётного кадра.

Гермес виртуозно перехватил контроль над хаосом. Активировав экстренный протокол опеки, он вписал её в юридические строки и создал легенду об удочерении, заставив полицию и папарацци послушно отступить. Сделка с системой совершилась с той стремительностью, перед которой она, ведомая лишь чистым чувством, оказалась абсолютно бессильна.

Для обывателей это стало всего лишь красивым заголовком: «Богатейшая династия приютила загадочную сироту с Кипра».

Когда Дива поднималась на борт частного Leonardo, пряча лицо от рычащего ветра и воя двигателей, стальное чрево машины неумолимо заглатывало её в свои недра. Едва тяжёлая дверь отсекала яростный рёв толпы, она оказалась в изолированной прохладе.

Гермес, уже успевший перевести дух в глубоком кожаном кресле, поднял глаза от планшета и замер, оценивая масштаб грядущих проблем. Зрелище было монументальным. По проходу роскошного салона, среди полированного хрома и матового карбона, величественно вышагивала живая античная статуя. В длинном льняном парео, наспех купленном в сувенирной лавке и намотанном на манер хитона, она несла себя с высокомерным изяществом, резко выделяясь на фоне жестких декораций вертолёта.

Гермес мысленно помянул Зевса: цивилизация еще никогда не была так близка к катастрофе.

Борт плавно набирал высоту. Вместе с удаляющейся землей улетучилось и безумие пляжа: Дива сделала глубокий вдох, оцепенение растаяло, уступив место чистому, непосредственному любопытству. Сидя в кресле, она жадно впитывала запахи этого замкнутого мира. Искусственный климат салона, пахнувший озоном и сухим композитом, странно мешался с едва уловимым, тёплым ароматом сандала, исхо-

дящим от её спутника.

Гермес заполнял пустые графы цифрового контракта. Зависнув над пустой строкой имени, он оторвался от экрана и обратился к ней:

— Итак, прекрасная аномалия, как нам тебя называть? — Он явно ожидал услышать если не гимн в свою честь, то хотя бы имя.

В ответ Дива лишь моргнула. Она наивно начала разглядывать соседа с бесцеремонным любопытством.

Гермес казался сотканным из теней и бликов — свободная рубашка из тончайшего черного шелка мягко переливалась при каждом движении рук, обнажая ключицы. Узкие брюки и мягкие кожаные лоферы выгодно подчеркивали его скрытую бесшумную грацию. В его облике читалась дорогая небрежность.

— Ладно, начнем с азов, — он слегка наклонился вперед, сокращая расстояние между ними.

Её спутник ткнул пальцем себе в грудь:

— Я — Гермес.

Затем он плавно указал на неё, безмолвно призывая к ответу. Дива оживилась. Отражая его движение зеркально, она выставила изящную ладонь в ответном жесте, но... так и не проронила ни звука. Лишь едва заметно наклонила голову набок, довольная своей новой игрой.

Гермес мысленно усмехнулся: «Ну конечно, глупо было ждать, что эта девчонка в первый же день заговорит на грече-

ском или хотя бы на английском. Цивилизация, социальные маркеры, законы и контракты — этому стихийному, первозданному чуду еще предстоит адаптироваться к сложному, искусственному миру людей».

— Ну раз ты молчишь, имя тебе выберу я, — Гермес покачал головой, оценивая благородную симметрию её лица. — Ты явилась из белой пены, так. Белая пена... Афрос... Афродита. Звучит как вызов, но тебе идет.

Ещё подумав, словно примеряя тягучий античный слог на сухие графы документов, он утвердительно добавил:

— Вот и хорошо, пусть для этого мира и для цифровых архивов ты будешь пенорождённая — Афродита Архон. Достаточно аристократично для отчетов Геры.

Она никак не отреагировала на обретенное имя. Игра закончилась, и Афродита потеряла всякий интерес — наблюдать за его вознёй с регистрационной рутиной ей было скучно.

Гермес привычным жестом коснулся сенсорной панели, заполняя пустой реестр цифрового контракта. Экран на мгновение мигнул, заменяя временный шифр на имя — "Афродита Архон, приёмная дочь". Юридические строки послушно зафиксировали новый статус, а мерцающие буквы беззвучно вписали её истинное имя в невидимые грани.

[Файл: Регистрация_Аномалии. Модератор хаоса: Гермес]

Чувствую себя контрабандистом первозданной стихии, который везет живую Диву без документов, завернутую в импровизированный хитон. Она смотрит на меня и величественно молчит, словно документы — это досадное недоразумение. Анкету заполнил, имя выдал. Добро пожаловать в юридическую реальность, пенорождённая.

Путы приличия / Ткань регламента

В наступившей тишине Афродита впервые за этот бесконечный день расслабилась, уступая ласковому комфорту салона. Глубокое кресло принимало её тело, и эта опора была мягче качающегося ночного планктона. Из скрытых щелей струился невесомый поток воздуха — он нежно касался лица, напоминая свежесть предрассветного берегового бриза. Напряжение окончательно отпускало, и Афродите нестерпимо хотелось убрать последний барьер — впитать это блаженство всей своей кожей.

Она встала, ведомая чистым, непреодолимым желанием насладиться этой прохладой. Чужая одежда на коже мешала дышать. Афродита потянула за край парео, и её пальцы начали распускать узлы, возвращая телу его первозданную свободу.

Гермес отреагировал до того, как парео соскользнуло с её бёдер. Масштаб незапланированного представления он оценил за долю секунды. Ждать, пока эта непосредственность окончательно разрушит все границы дозволенного, он не со-

бирался.

— Эй-эй, стоп! Отставить эксгибиционизм! — Гермес вскочил, перехватывая её ладони прямо у пояса.

Афродита не стала сопротивляться. Ведомая чужим теплом, она сделала шаг навстречу, сокращая дистанцию. Но Гермес тут же запахнул ткань обратно, удерживая края, и усадил её в кресло. Он наклонился к её лицу, иронично встречая её вопросительный взгляд, и заговорил вкрадчиво, с привычной усмешкой:

— Слушай меня внимательно, пенорождённая. Я понимаю, что в море дресс-кода не было, но в нашем мире ходить голой — плохой тон. Люди сойдут с ума, Гера меня четвертует, а папарацци сломают свои объективы. Одежда — это правила. И сейчас ты будешь одета так. Парле?

Афродита затихла. Голос Гермеса обладал странной, обволакивающей силой: низкий тембр вибрировал в сандаловом воздухе, гипнотизируя и лишая желания спорить, словно в его звуках оживал древний азарт заговаривать стихию. Она вслушивалась в самую текстуру его речи, позволяя правилам приличий смирить свою стихийную свободу. Навязанный дресс-код, моральные границы и этот пляжный лён — беззвучно упаковали её в невидимые грани.

[Из ненаписанного. Гермес]

Старина Гофман считал, что социальные роли требуют костюма. Ирвинг, эта глава в твою книгу не вошла. Подо-

зреваю, Афродита искренне не понимает, зачем становиться кем-то, если она уже есть.

Пришлось упаковать это стихийное бедствие и объяснить, что одежда — это правила игры, а без костюма не допустят к спектаклю. Узел затянут, занавес опущен. Ждём новых импровизаций

Пространственный лимит / Зона турбулентности

Гермес вернулся к своему планшету. Пустота неуголённых чувств не давала Афродите усидеть на месте. Желание буквально кололо кожу: она всем телом тянулась к осязаемой физике салона. Поднявшись с кресла, она плавно скользнула вдоль боковой панели, упиваясь контрастом мягкой кожи отделки и литых хромированных вставок.

У самой перегородки она замерла. В отполированной карбоновой стене вдруг возник силуэт Гермеса. Это было странно: настоящий мужчина сидел чуть позади, а здесь, за этой тёмной гладью, безмолвно застыл его точный двойник. Увлечённая этим открытием, она подошла вплотную и осторожно провела ладонью по зеркальной поверхности, пытаясь осязать чужое отражение.

На матовой панели тускло светился круглый сенсор замка. Дива, изучая пальцами идеальные стыки, мягко прижала ладонь к холодному пластику. Механизм послушно щелкнул, и гидравлическая дверь бесшумно ушла в пазы, открывая проход в кабину пилота.

Пилот уловил этот технический звук. Он посмотрел через

левое плечо, собранный и готовый получить очередное указание. Но вместо холеного куратора Клана в проеме стояла Дива, в свете своей опалесценции. Вместе с ней в тесную кабину хлынул густой, заманчивый запах дикого мирта и олеандрового мёда¹. Длинные волосы цвета зрелой пшеницы и глаза, в которых стирался весь осязаемый мир.

Пилот завороченно потянулся всем корпусом навстречу этому безумному аромату. От резкого разворота его рука дрогнула и увлекла за собой ручку управления. Вертолёт ощутимо качнулся, теряя устойчивость и заваливаясь на левый борт. Инерция мгновенно швырнула Диву в ту же сторону — прямо в глубокое пустое кресло второго пилота. Сила падения машины вжала её в сиденье, спасая от жёсткого удара о боковое стекло.

Гермес остановил падение за миг до полной катастрофы. Одним точным кликом по экрану планшета он удаленно перехватил бортовой компьютер, переводя зависшую в опасном скольжении машину в режим автоматического выравнивания.

— Великолепно, — подумал он, вбивая команду и выводя Leonardo из опасного пике. — Не успели взлететь, а из-за её присутствия у нас уже отключается экипаж.

Едва полет выровнялся, Гермес в один стремительный шаг оказался в кабине, сорвал с крепления защитную дымовую маску и натянул её на бледное лицо пилота:

— Дыши чистым воздухом! Быстро! Включай фокус, пока

не посадим птицу.

Гермес врубил принудительную вентиляцию на аварийную мощность и прохладный поток из кондиционеров мгновенно выдул из кабины дурманивший олеандровый след. Убедившись, что взгляд пилота прояснился, он лениво усмехнулся:

— Мы оформим это как производственную травму.

Затем он увёл Афродиту в салон, вернул в пассажирское кресло и жёстко защёлкнул на её талии ремень безопасности.

Падение. Резкие движения Гермеса и жесткие нейлоновые ленты, сковавшие её тело подобно путам, отозвались непонятным и новым для неё состоянием: внутри проросли кристаллы льда, а пространство вокруг менялось, словно салон вертолёта стремительно терял объем и остывал.

Гермес прочувствовал этот леденящий сбой всем телом. Он наклонился к ней в упор и заговорил своим гипнотическим тоном:

— Смотри на меня, — тихо, но весомо произнес он, удерживая ее взгляд. — Вот для этого и нужны правила, чтобы удерживать мир, когда он летит в бездну. Эти ремни — твоя броня.

Тепло его тела и тягучая вибрация голоса возвращали её к реальности, и этот мир снова обретал прежние краски. Афродита замороженно смотрела, как в такт рокоту лопастей дрожит её собственное отражение в иллюминаторе.

— Чудно. А теперь — сидим смирно и временно забыва-

ем про променад. У нас тут, знаете ли, не Олимп, а зона турбулентности, и по салону во время качки не гуляют. Чтим правила безопасности, дорогуша: наш пилот от твоей божественной природы и так едва не перепутал небо с землёй.

Афродита открыто и мягко улыбнулась в ответ. Она не оценивала человеческий смысл правил — её вела сама текстура его речи. Мягкий баритон согревал, окончательно вытесняя остатки холода.

А за стеклом, поднявшись из средиземноморской дымки, клин розовых фламинго выстроился живым эскортом по обе стороны борта. Птицы взмахивали крыльями в такт движению машины, словно оберегали свою Диву.

Гермес проследил за её взглядом, скользнувшим по розовым крыльям за стеклом, и едва заметно усмехнулся:

— Красивая свита. Но в этом мире твоя главная защита — вот это.

Он постучал пальцем по застёжке её ремня:

— Наш мир устроен намного сложнее, чем тебе кажется. Чтобы сохранить хрупкий живой организм, одних светских приличий уже недостаточно. Есть ещё общественные ограничения — например, пространственные рамки. Здесь нельзя просто встать и пойти туда, куда манят огоньки. Одежда, которую ты хотела сбросить, условности, которые ты нарушила, и эти ремни — это социальные рамки и техника безопасности. Тебе придется этому научиться, если ты не хочешь, чтобы тебя раздавило первой же встречной инструк-

цией.

Вентиляция гудела, удаляя из салона остатки мирта и дикого мёда, а протокол безопасности империи «Атлас» беззвучно восстанавливал нарушенный порядок. Вертолёт ровно шёл на посадку, оставляя птичий клин далеко позади, как розовый след из мифа.

Афродита сидела в кресле, оглушённая рокотом винтов над головой и плотной фиксацией нейлоновых лент. Жесткий регламент, законы физики и сухие инструкции Клана безжалостно очерчивали вокруг неё невидимые грани.

1. Олеандровый мёд — редкий вид дикого мёда, обладающий сильными токсичными и галлюциногенными свойствами из-за ядовитых гликозидов, содержащихся в нектаре олеандра.

[Гермес. Офлайн]

Хатчинс был прав. Кабина пилота — единый мыслящий организм. Забавно лишь то, что достаточно одной Афродиты, чтобы организм на время перестал быть мыслящим. Кажется, эта авантюра только начинается...